

ИНДИЯ: ИСТОРИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК 39
ББК 63.5

БИКУЛЬТУРНАЯ ОСЦИЛЛЯЦИЯ КАК ФОРМА ДОЛГОВРЕМЕННОЙ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПИТЕР ГАРДНЕР

(Кафедра антропологии Университета Миссури: МО 65201 США,
Колумбия, Сьют 1001, Университетский пр-т, д. 1205)

***Аннотация.** Сравнение двух кочевых народов, скотоводов и собирателей, обнаруживает феномен, названный «бикультурной осцилляцией» и вызванный к жизни необходимостью приспособляться к среде, состоящей из нескольких различных в экологическом и социокультурном отношении зон. Можно говорить о культурной пластичности, или гибкости, этих народов, готовых быстро менять свои жизненные стратегии в ответ на периодически сменяющие друг друга негативные и благоприятные условия окружающей обстановки. Каждый из этих народов ассоциирует свой собственный кочевой, мобильный, образ жизни с представлением о правильных, моральных, нормах, а образ жизни оседлых соседей, который эти кочевники по временам перенимают, — с представлением о нормах «разумных», или «хитроумных», как сформулировал это М. Фрейлих. Автор статьи утверждает, что комплементарность, взаимодополняемость культур кочевников и их оседлых земледельческих соседей придает и тем и другим культурам непреходящую привлекательность, что облегчает быструю смену стратегий жизнеобеспечения у исследуемых народов. Значительные различия между механизмами принятия решений, присущими каждому из двух названных кочевых народов, побуждают автора подходить к определению их социально-экономических систем — как систем особого типа — с высокой степенью абстракции. Отмечены также иные примеры потенциально схожих систем, описанные в этнографической литературе. В заключительных разделах статьи предлагается формальная теория, сопряженная с тенденцией рассматриваемых народов развивать в определенных условиях осциллирующий бикультурализм. Проводится также аналогия между быстро осциллирующими социальными системами и биологическими видами, развившими изменчивость в процессе акклиматизации.*

***Ключевые слова:** адаптация, циклические изменения, культурные границы, изменчивость, номадизм.*

Введение

Прошло уже почти 50 лет с тех пор, как Грегори Бейтсон писал о том, что неправильно при изучении культурных контактов концентрировать внимание на *новых* рубежах, которые формируются в периоды и в местах драматических, «насильственных» изменений. Мы, настаивал он, подобны

начинающим исследователям, которые надеются изучить гравитацию, лишь «наблюдая за домами, разрушающимися под действием землетрясения» [Bateson 1935, 180].

Позднее Лич и Барт предъявили коллегам ряд похожих претензий — в дополнение к бейтсоновским — возражая против сомнительных допущений и упрощений в наших характери-

Индия: история, социальная антропология, кросс-культурные параллели

ках культурных границ как таковых [Barth 1969, 9—11, 15—16; Leach 1954, 281—281, 284, 290—292]. Барт указывал, к примеру, на наше «наивное предположение», что границы обозначены «враждебным» игнорированием соседей, и оспаривал «незамысловатое представление, что географическая и социальная изоляция» обеспечивает культурное разнообразие [Barth 1969, 9]. В таком случае было бы целесообразно задаться вопросом, сколь много за последние полвека мы *узнали* и о процессах долговременных культурных контактов, и о процессах адаптации в уже сложившихся зонах пограничья.

Хотя упомянутые претензии и были преувеличены, очевидно, что благодаря им открылось немало перспективных направлений теоретического поиска. В большинстве своем они оказались недолговечными. По правде сказать, некоторые из них явились результатами усилий отдельных ученых, среди самых плодотворных были исследования Рэдфилда, Стюарта и Барта, несмотря на то что их влияние в лучшем случае распространялось в пределах их собственных научных школ. Не столь выдающимися были работа Крёбера о маргинальных культурах [Kröber 1948, 277—279], различие Латтимора между исключаящими и включающими границами [Lattimore 1962b, 477—481] и несколько работ о пограничных, иногда анклавных, «племенах», которые были интегрированы в сложные государственные образования в качестве поставщиков специализированной рабочей силы или особых товаров [Damas 1969; Dunning 1959; Fox 1969; Gardner 1966a; Leacock 1954; LeeandDeVore 1968; Lehman 1963; Murphy and Stewart 1965]. Несмотря на частые цитирования, эти авторы не имеют убежденных последователей. К счастью, на данный момент мы располагаем рядом развернутых case studies [Lattimore 1934, 1937, 1938, 1940; Leahman 1963; Sinha 1957, 1959, 1962, 1965; Turnbull 1961, 1965a,b, 1983]. Те, кто сегодня изучает способы решения проблем адаптации в зонах долговременных культурных контактов, обнаружат весьма небольшой багаж обобщений, которые к тому же носят

предварительный характер, и множество новых данных — скромное, но важное начало для заполнения эмпирических и теоретических лакун, не дававших покоя Бейтсону. Большая часть работы еще впереди.

Эта статья будет посвящена описанию и анализу нетипичной адаптации, включающей бикультурные осцилляции в зоне продолжительно существующего культурного пограничья. Мы рассмотрим и сравним два примера, палияр и монголов, а других же — просто упомянем. Собирателей палияр следует изучать в контексте их отношений с обществом Южной Индии, а скотоводов-монголов Внутренней Монголии на территории Китая — в контексте их отношений с китайскими государственными образованиями. Несмотря на очевидные различия, если конечно этнографические и этноисторические реконструкции верны, мы сможем продемонстрировать, что шедшие на протяжении столетий в этих кочевых обществах процессы на макроскопическом уровне обнаруживают большое сходство в обеих пограничных зонах. Кочевники в обоих примерах бикультурны. Имея два хороших образца, они циркулируют туда-сюда, частично используя то одну культуру, то другую, чтобы гибко реагировать на переменчивые условия пограничья. Как только оба примера будут четко обрисованы и сопоставлены, можно будет выделить общетеоретические проблемы, связанные с гибкостью, пластичностью адаптации, бикультурализмом и принятием решений в зонах пограничья. Теория бикультурных осцилляций будет предложена в двух вариантах.

«Осцилляция» у палияр

Недавние этнографические исследования [Gardner 1966, 1969, 1972, 1978, 1982] обнаруживают большую часть палияр расселенными малыми группами в поселениях, расположенных у подножья поросших лесом горных кряжей, которые тянутся до самой южной оконечности Индии, оттуда палияр с опаской смотрят на восток, где простираются земли, сплошь усеянные города-

ми, деревнями и древними оросительными сооружениями тамилоязычных народов.

Такие пограничные сообщества паляяр поддерживают свое существование, питаясь преимущественно диким ямсом (*Dioscoreaceae*) пяти сортов. Этот рацион дополняется дикорастущими овощами, медом, рыбой и мелкими животными (ящерицами, куропатками, горными рогатыми совами, летучими мышами, обезьянами, в основном относящимся к семейству лориевых (*Loris*), а также полевыми мышами, белками и кроликами), а несколько раз в год удается добыть и более крупную дичь — кабана или оленя. Поскольку их к этому склоняет местоположение, постольку они также могут время от времени вступать в реципрокные отношения с соседями, поставляя им дары леса или нанимаясь на более регулярные работы на плантациях и полях на границе леса или иногда даже обслуживая лесные храмы и святилища [Gardner 1982]. В качестве оплаты за сбор даров леса и за сельский труд они обычно получают низкосортный рис, соль, перец чили, табак или листья бетеля. Порой им предлагают за их работу ножи, топоры или даже деньги, в некоторые сезоны — одежду. Из источников XIX в. с очевидностью следует, что эта экономическая схема существует издавна и есть обширные и убедительные доказательства того, что она уходит корнями в древность [Gardner 1972, 405—406]. Размеры групп, живущих на границах леса, варьируются от 15—30 человек в полукочевых сообществах до 20—60 и более человек в оседлых. *De facto* состав таких групп постоянно меняется, потому что переход людей из группы в группу служит одним из главных средств избегания реальных или возможных конфликтов. Каждую неделю из группы могут уходить люди или она может пополняться отдельными индивидами, семьями или даже объединениями нескольких семей, причем таким перемещениям отдается приоритет перед заключенными ранее трудовыми соглашениями или просто выгодными договоренностями с сельскохозяйственными соседями.

В пограничных с основным населением зонах, в особенности в присутствии людей извне, паляяр стремятся проводить такие ритуалы перехода и демонстрировать такие формы родственного поведения, которые выглядят как правоверные (ортопраксные) в глазах тамильских соседей [Gardner 1972, 426—429, 436—437]. Сложные и дорогостоящие женские пубертатные обряды, свадьбы и похороны совершаются с использованием покупных парафеналий и дравидийских вариантов терминов родства, а также соответствующих им поведенческих ролей, что очень похоже на лицемерное поведение коайкер Эквадора, которое они демонстрируют в присутствии посторонних (Ehrenreich, в печати¹). В одном из таких пограничных бэндов паляяр во время шаманского обряда божество мудро наложило запрет на употребление говядины и на прикосновение к воловьим шкурам, и это соблюдалось.

Другие группы паляяр живут замкнуто, вдалеке от границ леса, обеспечивая себя только сбором лесных плодов и дичью и ведя относительно самодостаточное хозяйство. Слово «относительно» употреблено потому, что отдельные выменянные ранее у соседей предметы, в частности металлические, играют некоторую роль в быту таких групп паляяр. Но лесной едой они хорошо снабжают себя сами. Ямс у них в избытке, даже в тех из исследованных районов, где плотность паляяр наиболее высока, они редко используют высокогорную альтернативу — саговую пальму (*Caryota urens*). Примечательно, что протеином паляяр обеспечивают себя в основном благодаря добыче мелких животных высокопродуктивных, т. е. быстро размножающихся, видов (эта стратегия обсуждалась в знаменитом издании: [Lee and DeVore 1968, 94—95]). Источники еды и пищи, считающиеся запасными или пригодными только в экстремальных ситуациях, привлекаются редко.

Мобильные бэнды (локальные группы, общины) паляяр, как упоминалось, обычно состоят из 15—30 человек, но могут делиться на более мелкие группы

¹ [Ehrenreich 1985, 300] (Прим. А. В. Иванова).

в засушливый жаркий сезон, когда ощущается нехватка воды, т. е. с марта по август. Эти подгруппы и сами палияр считают подгруппами. Члены связанных между собой подгрупп поддерживают взаимные контакты, отслеживая местоположение костров, на которых готовится вечерняя еда, и переключаясь очень громкими голосами. В зависимости от погоды или от той степени, в которой они хотят оградить свое частное пространство, «лесные» палияр в качестве временных жилищ используют гроты или естественные углубления в скалах, строят хижины или навесы; тот же самый тип жилища характерен и для полукочевых групп на границе леса, впрочем, палияр могут устроить ночлег и просто под деревом (или как-то устроившись на дереве) — в зависимости от обстоятельств. Так, беспокойные стада слонов порой вынуждают людей спать забираясь на дерево и на скорую руку устраивая там себе некое подобие гнезда. Для мобильных групп нормальной является ежедневная (или раз в два дня) смена стоянок, так они живут на протяжении 10 месяцев в году, только в короткий сезон дождей, когда палияр избегают пользоваться естественными укрытиями в скалах, сооружаются более основательные и долговременные жилища. Такая частая смена стоянок, как указано выше, представляет собой экстремум их мобильности.

Вдали от пограничных с основным населением зон палияр могут обходиться без свадебных церемоний. И уж во всяком случае они сокращают и упрощают все обряды перехода, элиминируя элементы ортодоксального индуизма и восстанавливая свою собственную лапидарную символику. Они также используют терминологию родства, в которой классы родства разграничиваются по полу, поколению (от «+2» к «-2») и свойству (но бифуркативно-сливающий принцип, ключевой для дравидийской терминологии, игнорируется).

У палияр имеется два образа жизни. Исследования, проведенные автором в 10 группах палияр (в 1962—1964 г. и коротко в 1978 г.), дают возможность определить обстоятельства, сопутствующие нескольким случаям перехода от одного образа жизни к другому.

Обращение к кочевому образу жизни и стратегии самодостаточности всегда воспринималось этнографом и объявлялось самими палияр как ответ на притеснения со стороны соседей-земледельцев — на словесные оскорбления, угрозы применения силы и ее применение вплоть до изнасилований и убийств. Автору доводилось быть свидетелем таких притеснений в ряде случаев, в иных же — получать вполне достоверные сведения об этом. Кочевой образ жизни позволяет палияр отступить в зону безопасности, где можно жить мирно и где можно стать неуловимыми, что обеспечивает еще более надежную защиту.

«Социология конфликта» палияр подсказывает им, что гнев со временем утихает и что контакт вновь может быть налажен даже и с теми, от кого раньше пришлось бежать. Возможно, что поскольку палияр полагают, что у них самих раздражение уходит быстрее, чем у других, постольку они лишь постепенно, совершая сначала пробные попытки, возвращаются к жизни в пограничье. Эти возвратные движения могут в целом быть отнесены на счет экономически выгодных взаимодействий (хотя это и трудно подтвердить документально) в периоды, когда обстановка в пограничье обещает быть достаточно безопасной. Ниже будет дано больше информации о различных видах подобных решений.

Из 24 бэндов, по которым имеется этнографическая информация относительно их локализации и перемещений (см. Таблицу 1), три бэнда, самое длительное время сохранявшие стабильность расселения, пребывали в пограничье более столетия. Имеются сведения, что в течение этого времени отдельные люди или небольшие сегменты этих бэндов удалялись в лес или приходили из леса, но складывается впечатление, что сообщества как таковые продолжали существовать. Отделялись же от них, напротив, ненадолго. Полевые данные не позволяют говорить о мобильной изоляции сроком более 10 или максимум 20 дней. В каждый отдельный отрезок времени лишь меньшая часть бэндов является полностью кочевыми. И по утвержде-

Таблица 1. Локализация и передвижения 24 бэндов палияр²

В глубине леса			В пограничье	
Замкнуто, отчужденно	Порой появляясь и вступая в контакт	В лесу	Прямо на выходе из леса	На равнине тамиллов
		a		
		b		
c2		c1; c3		
d				
e				
			f	
		g1	g2	
h3,2		h1	h2	h3,1
			i	
			j	
		k		
		l		
		m		
n				
		o		
		p		
		q		
r2		r1		
s				
t2	t3	t1		
u1; u4		u2	u3	
		v		
w				
		x		

ниям самих палияр (как живущих в глубине леса, так и живущих в пограничье) самые замкнутые, отчужденные, самообеспечивающиеся бэнды — это те, которые незадолго до перехода к изоляции испытывали серьезные трудности, находясь в пограничье. Итак, в итоге этнографическое исследование показывает, что кочевание есть функция событий, происходящих в пограничье и что склонность палияр жить вблизи границы леса очевидна.

² Целые числа указывают на временную последовательность. Цифры после запятой указывают на итог деления группы. Изучавшиеся группы: c1, g1, h2, h3.1, m, p, q, r2, t3, u3, u4, v. Группы, с которыми происходило взаимодействие: k, l. Группы, с которыми не происходило взаимодействия, но места расселения которых известны, — остальные. Передвижения групп, реконструированные предположительно: g1—g2, h1—h2, u1—u2.

Осцилляция у монголов

Этноисторические реконструкции Оуэна Латтимора [Lattimore 1934, 1937, 1938, 1951, 1962с] дали нам обстоятельный очерк образа жизни монголов Северного Китая в двух его вариантах. Один вариант — жизнь в симбиозе с китайцами и другими соседствующими народами в «сложных политических структурах», сочетающих целый ряд особых хозяйственных укладов [Lattimore 1938, 7; 1951, 333—334]. В тех случаях, когда монголы выбирали этот вариант, само по себе их участие в жизни соседей бывало разным. Они пасли скот, перегоняли стада, сопровождали караваны, служили в качестве воинов, в том числе и в городских гарнизонах, или время от времени фактически управляли пограничными оазисами и аграрными государственными образованиями, собирая дань со своих неко-

чевых подданных [Lattimore 1951, 93, 520]. Обе стороны проявляли тенденцию к взаимной эксплуатации: каждая приносила с собой на пограничную территорию ресурсы и каждая имела свои экономические и политические навыки и интересы. Прежде всего стороны обменивались излишками: зерно шло в одном направлении, а скот, шерсть и шкуры — в обратном; «конкуренция за контроль над этим обменом материальными ценностями между обществами двух типов, естественно, принимала политические формы» [Lattimore 1951, 332]. Были и другие типы эксплуатации. Некоторые кочевники попадали в долговую кабалу к китайским торговым корпорациям, проценты по долгам (племенных групп) порой достигали 500 в год. [Lattimore 1951, 92—95]. Тем не менее те же кочевники-коневоды, если они объединялись в достаточно большие отряды, могли успешно вести войны против своих соседей и контролировать взаимодействие с ними. Могущественные монгольские вожди в периоды своего экономического процветания завозили из Китая и оазисов Средней Азии сельскохозяйственных работников [Lattimore 1951, 71]. И когда эти вожди стягивали свои военные силы не только для набегов и поборов, но и для подчинения пограничных государственных образований и оазисных сообществ, а также для управления ими, тогда монгольские предводители достигали (хотя и ненадолго) принципиально нового уровня контроля над интенсифицированными, основанными на ирригации, земледельческими системами на юге, получая в свое распоряжение большие материальные ценности. Такие предводители и передовые отряды войск могли в конце концов оказываться втянутыми в китайский уклад жизни, одним из следствий чего был «отход от норм скотоводческого номадизма» [Lattimore 1951, 504—505]. Подробнее этот процесс и его последствия будут рассмотрены ниже.

Другим выбором монголов была недостижимая жизнь в степи. Так как они имели в своем распоряжении земли, богатые всевозможной растительностью и прочими ресурсами, их кочевая

скотоводческая экономика предлагала им полную самодостаточность в условиях привычной среды, а также избавление от беспорядков на границе на время настолько длительное, насколько они желали обходиться без торговли и доступа к изделиям профессионально развитых ремесел. Стада обеспечивали их едой, одеждой, жилищем, навозным топливом и транспортом. Соль и древесина были доступны без внешней торговли, а руду для временных непрофессиональных кузнечных работ они могли добывать сами. Что касается деталей их скотоводства, то хотя у них и имелись самые разнообразные способы использования лошадей, верблюдов, коров, яков, волов и овец, основным было сочетание разведения овец, являвшихся их главной опорой, с разведением транспортных животных, что позволяло по крайней мере на некоторые периоды избегать контакта с пограничем и жить полностью за счет степных ресурсов [Lattimore 1938, 12; 1951, 69—70, 74—76, 329, 522]. Но к этой безусловно красивой картине необходимо пририсовать ряд портящих ее деталей. Хотя Латтимор утверждает, что «беднейшие слои степняков оставались постоянным резервуаром, в котором сохранялись важнейшие и неотъемлемые составляющие кочевого образа жизни», следует отметить его осторожные слова о том, что «чистые» кочевники, жившие в полной изоляции, были редким исключением, если рассмотреть дело в максимальном приближении [Lattimore 1938, 12, 16; 1951, 518]. Действительно, именно в интересах мобильности «степное общество как целое поощряло приобретение путем торговли металлических орудий и иных изделий, да и вообще мануфактурных товаров» [Lattimore 1951, 70].

Латтимор говорит о смене одного из этих образов жизни на другой и как о добровольном выборе, и как о вынужденной реакции на объективные факторы, накапливавшиеся с неумолимой цикличностью. Начало сдвига в направлении полного номадизма он, опираясь на документальные источники, предварительно датирует III или IV в. до н. э. К тому времени не

только китайцы продвинули свое интенсивное земледелие настолько далеко, насколько только позволяли устраивать ирригацию ресурсы проточной воды, т. е. на территории, прежде использовавшиеся монгольскими племенами пограничья для жизнеобеспечения смешанного типа — но и иные племена, которых китайцы сместили с названных территорий, уже наладили жизнь в степи в качестве скотоводов и конных лучников с «собственной сферой деятельности» [Lattimore 1951, 62; 1962, 410—412, 505]. В дальнейшем, если у монголов происходили сдвиги в сторону более смешанной экономики в пограничных зонах, происходили они из роста мощи монгольских лидеров в периоды, когда пограничную территорию было особенно выгодно использовать. Расширение подвластных сегментов внутри монгольского общества происходило благодаря слиянию скотоводческих хозяйственных укладов разных видов, что, в свою очередь, облегчало разведение излишков скота, которые можно было выгодно сбывать в пограничной торговле. Политический и экономический рост влекли за собой создание воинских формирований, достаточно многочисленных, чтобы контролировать торговлю и совершать экономически выгодные набеги и завоевания [Lattimore 1938, 7, 12, 14; 1951, 332, 518—519]. Завоевания обеспечивались имевшей поистине широкий охват унификацией монгольских войск [Там же, 15].

Конгломератные государственные образования, формировавшиеся в результате монгольских завоеваний, распадалась на протяжении жизни трех или четырех поколений по нескольким тесно взаимосвязанным причинам. Китаизированные условия жизни со всяческими премудростями приводили к тому, что властные структуры монгольских вооруженных сил и их контроль быстро становились неэффективными и слабыми. Сам правитель и его знать, которые становились городскими жителями, приобретали коммерческие интересы, отличные от интересов их народа. Поучительно, что даже гарнизонные отряды «размягчались» и «деномадизировались» в течение жизни всего двух или

трех поколений. Не поддерживалась также надлежащая связь между теми, кто управлял, и обширными кочевыми войсками, на которые опиралась власть правителей. Удаленные от центра сообщества монголов имели обыкновение откалываться от конгломератных образований и возвращаться к более независимым формам номадизма под властью новых лидеров, выдвигавшихся из «низших страт правящего класса». Ряд усугубляющих обстоятельств, противоречивые интересы и нестабильность монгольской власти делали ее уязвимой для китайского давления и провоцировали это давление [Lattimore 1934, 66; 1938, 15—16; 1951, 72, 520—521]. Если реконструировать, полный цикл, чтобы завершиться, занимал столетия у тех, кто оказывался втянутым в события, развивавшиеся в пограничной зоне [Lattimore 1951, 114—115, 519—542]. Латтимор придерживается между тем точки зрения, что в степи «гомогенное кочевое скотоводство сохранялось большую часть времени» [Там же, 248].

Шаги к обобщению

Некоторые параллели между ситуациями палияр и монголов сразу бросаются в глаза. И у тех, и у других имеется по две схемы поселения и две соответствующие позиции людей относительно их соседей. И те, и другие используют два вида *жизнеобеспечения*, один из которых фактически самодостаточен, а другой — симбиотический — подразумевает обмен разного рода продукцией с более оседлыми соседями. В обоих случаях нам показано, что более оседлый образ жизни порождает социальную незащищенность, несмотря на экономические преимущества и выгоды, в то время как мобильность позволяет то, что люди сами эксплицитно называют «моральным» образом действий в отношении такой вещи, как индивидуальная независимость [Gardner 1982, 464, 467; Lattimore 1934, 65—66; 1951, 332]. Этнографы описали оба народа как бикультурные, когда они оказываются в условиях пограничья [Gardner 1978, 312; Lattimore 1951, 543, 546]. Как показали повторные исследо-

вания, два состояния, между которыми осциллируют эти народы, пограничный контакт и кочевая изолированность, можно было бы также соотнести с тем, что Фрейlich называет «разумными (хитроумными) нормами» и «настоящими нормами» соответственно [Freilich 1975, 208—209].

В более ранней работе я охарактеризовал три охотничье-собираТЕЛЬских народа, палияр, мбути и ченчу, как «живущих двойной жизнью» [Gardner 1966b]. Было замечено, что, контактируя с соседями, все три группы демонстрировали ритуальное поведение и формы родственных отношений, которые соседи расценивали как правоверные (ортопраксные). В случае с ченчу информация собрана буквально по крупичкам — по обрывочным данным (к тому же, преимущественно предположительного свойства). Что же касается мбути, то имеющиеся данные в деталях повторяют некоторые из палияр-монгольских параллелей и даже приумножают их число: две схемы поселений, два вида хозяйства и контрастирующие комплексы представлений о моральной ценности жизни вдали от пограничья и о материальной, практической выгоде контактов с «чужими». Разумеется, есть и различия, а не только параллели. Согласно моей прежней точке зрения, ортопраксия (правоверность) мбути, которую они демонстрируют, находясь среди деревенских жителей, «это поверхностная уловка, к которой они могут прибегать почти что с беспечной лукавостью, чтобы получить доступ к ресурсам внешнего мира» [Gardner 1966b, 14]. Это говорит в пользу их бикультурной компетентности и одновременно проливает свет на природу их значительного контроля над происходящим в пограничной зоне. Один мбути метафорически объяснял Тернбуллу прагматическую, тактическую ценность ритуальной ортопраксии: «Когда мы охотимся на слона, мы мажем себя слоновьим навозом» [Turnbull 1965b, 239n]. Мбути имеют по меньшей мере два главных отличия от палияр и монголов в своих внешних связях и в динамике осцилляции между «двумя мирами» — дерев-

ней и лесом. Там, в их пограничье, не только (а) мало заметно неравенство статусов взаимодействующих сторон, но и (б) отношения между мбути и их деревенскими «хозяевами» «спокойно устойчивы» [Turnbull 1965b, 176—177, 227]. Несмотря на то что изоляция и самообеспечение возможны для мбути, они не являются произвольными или даже полезными обстоятельствами, сопутствующими жизни в лесу. Складывается впечатление, что Тернбул относит длительные периоды (от трех до шести месяцев к ряду), в которые фактически рвутся нити взаимных поставок лес—дерева, на счет одних только трудно преодолимых расстояний [Turnbull 1965b, 28, 35—37, 148, 174]. Тем не менее вопрос требует дальнейшего изучения.

Фейрих предлагает нашему вниманию многообещающий экономический обзор осцилляции бушменов басарва в Калахари между стратегией, основанной на «охоте и собирательстве», и стратегией, основанной на земледельческом и скотоводческом труде, или между одной из этих двух и смешанными или промежуточными стратегиями [Vierich 1982, 213—222]. Должно быть, при этом изменяется и многое другое в жизни бушменов. Впрочем, нам недостаточно беглого экономического обзора Фейриха, чтобы разобраться с этим сходством «экономического оппортунизма» и способов выбора решений в рассматриваемом сейчас случае и других случаях, о которых тоже здесь идет речь.

Зальцман недавно предоставил сводки о еще трех явно похожих примерах институализированных схем повторяющихся смен стратегий: бедуины Киренаики, туркмены-йомуды Ирана и бедуины юга Синая [Salzman 1978, 626—629, 632; 1980, 7—10]. Поскольку изложенное Зальцманом является, в сущности, истолкованием, в котором он объясняет динамику смен стратегий иначе, чем это делают этнографы, представляющие собственные оригинальные полевые данные, постольку мы здесь об этих примерах лишь упоминаем, но не будем включать их в основной корпус материала, подлежа-

шего изучению, и не будем подвергать их интерпретативному анализу второго уровня.

Эти дополнительные аналогии мы привели потому лишь, что они могут быть репрезентативны. Они рождают надежду, что имеются материалы по бикультурно осциллирующим пограничным народам, достаточно обширные, чтобы в дальнейшем можно было предпринять сравнительное изучение интересующего нас явления в общемировом масштабе. Но даже не включая эти примеры, мы имеем налицо столь большое количество параллелей, что необходимо дать им объяснение.

Адаптивная пластичность и экологическая теория

При том что отмеченные смены стратегий у монголов и паляяр происходят часто, они также носят упорядоченный, можно сказать регулярный, характер. Осцилляция степных народов происходила с III или IV в. до н. э. до конца XIX в. В Южной Азии это длилось веками и продолжается до сего дня. Несомненно, отдельные группы людей могли иногда ускользать в каких-то иных направлениях, но очевидно, что в долговременной перспективе выбор был ограничен всего лишь двумя альтернативами. Чем это объясняется? Все системы, внутри которых на протяжении долгого времени происходит осцилляция, напоминают закрытые системы. Как это понимать? Для начала нам следует обратиться к трем теоретическим концепциям: (1) экологическая концепция «адаптивной пластичности»; (2) понятие «пограничной зоны»; (3) «бикультурализм».

Специалисты в области экологической антропологии [Alland 1975, 64—65; Hardesty 1977, 16; Vayda and McKay 1975, 298—301] проявляют интерес к воззрениям экологов и других ученых — специалистов в области биологии и естественнонаучных дисциплин [Ashby 1956; Bateson 1963; Holling 1973; Holling and Goldberg 1971; Lewontin 1958], согласно которым, «гибкость, пластичность» перед лицом возможных рисков — это особые качества систе-

мы, усиливающие «жизнеспособность, устойчивость» и дающие системам, ими обладающим, лучшие шансы для выживания. Несмотря на предостережения, особенно в отношении того, как концептуализировалось само понятие «система» некоторыми из предшественников, антропологи, на которых мы ссылались, все же считают, что «гибкость» и «пластичность», возможно, являются результатом естественного отбора в условиях изменчивой окружающей среды. Это был просто таки прыжок от разговоров о регулировании к разговорам о пластичности, что не столь уж невозможно, как мы вскоре увидим.

Согласно Латтимору [Lattimore 1951, 238—251], то, что мы назвали «пограничной зоной», пролегает (в каждом из изученных нами случаев) вдоль линии, где смыкаются два региона, резко отличающиеся друг от друга по целому ряду характеристик: таких, как типы природного водоснабжения, типы почвы, виды естественной или культивируемой растительности, виды фауны и, самое главное, типы человеческих сообществ. Это место встречи различных величин. Члены двух отличных друг от друга обществ могут не конкурировать непосредственно за природные ресурсы в зоне пограничья или поблизости от нее, а могут и конкурировать. Но важно то, что в изучаемых случаях люди разных групп смотрят *друг на друга* как на ресурсы. Та полоса земли, на которой происходит их взаимодействие, имеет свои характерные черты, будучи особой человеческой средой. Рассматривая эту полосу как именно человеческую среду, нам следует говорить о трех зонах внутри нее: две располагаются по обеим сторонам в некотором отдалении от границы и третья — это пограничье как место, где люди встречаются. Для насельников этой полосы каждая из зон будет обладать особыми переменными, как в виде опасности, так и в виде благоприятных возможностей. Более того, у любого относительно мобильного народа, вовлеченного в орбиту пограничья и сталкивающегося с зонально-специфичными, периодически изменяющимися негативными и благоприятными обстоятельствами,

пластичность может проявлять себя в том, что перемещения из одной зоны в другую оказываются спасительным средством, в частности — перемещения из пограничья или в пограничье в ответ на то, что воспринимается людьми как преимущества или угрозы. Периодичность в чередовании этих переменных может лежать в основе осцилляций, о которых мы знаем.

Необходимо помнить, что те, кто собирал и предоставил нам данные о монголах и палияр, характеризовали их как бикультурные народы, в той их части, которая пребывает в зоне пограничья. Какие формы принимает «бикультурализм» и какую роль сыграл он в придании тем процессам, которые мы рассматриваем, их специфических характеристик и регулярности? Учитывая, что для всех палияр типичны короткие циклы хозяйственной деятельности и склонность находиться в пограничных поселениях, будет реалистично изобразить бикультурными их всех, а не только тех, кому выпало жить неподалеку от окраин леса. Их поведение демонстрирует, что каждый отдельный человек, во всяком случае во взрослом возрасте, обладает способностью рассуждать и строить виды на будущее в двух ментальных парадигмах, и эта способность позволяет ему относительно эффективно действовать в двух культурных контекстах. Ситуация схожа с тем, что Гудэнаф [Goodenough 1976, 4—5] описывал как «макрокультурный» уровень мультикультурной компетентности. Это не значит, что палияр пограничной зоны схожи со своими тамильскими соседями. Даже самые оседлые из палияр «ориентированы» на лес — они всегда готовы найти там убежище при наступлении социальных неурядиц, равно как и идут туда лечиться, когда заболеют. Неслучайно они называют себя лесными людьми. Но важно то, что образ жизни позволяет им достаточно эффективно взаимодействовать с представителями тамильского общества (в особенности с различными подрядчиками, прорабами, лесорубами, мелкими чиновниками или паломниками, посещающими лесные святилища) и делать это так, чтобы не возникало угрозы насилия.

Вожди монголов пограничья описаны как достаточно благоразумные для того, чтобы стремиться «оберегать своих “подданных” — соплеменников, которые имели особую ценность как воины — от “заражения китайским духом”» [Lattimore 1951, 542]. Хотя они не всегда имели успех в таких попытках, как это можно понять, собрав воедино данные О. Латтимора, своей политической и военной мощью монгольские лидеры были обязаны прежде всего твердым знаниям в «науке бикультурализма». Они, эти лидеры, «знали, как использовать китайскую экономику, и даже знали, как восстановить ее после того, как она была в значительной степени разрушена» [Lattimore 1951, 546]. Коллективно и только коллективно монголы, как и палияр, способны были нести в себе эти отдельные культурные опции, каждая из которых была относительно совершенна.

Но каждый из этих образов жизни имеет свою отчетливую и непреходящую привлекательность: можно сказать, что один приносит «выгоду» или «вознаграждение», в то время как другой дает «моральное» удовлетворение от независимого поведения. Они не просто различны, они дополняют друг друга; Зальцман и Тернбул пишут примерно о том же. И такая комплиментарность, вероятно, имеет практический смысл. Когда людям уже знакомы обе эти стратегии, столкнувшись с экологическими проблемами, они могут вспомнить о существовании альтернативы — от которой некогда отказались, но которая теперь сулит преимущества. Предположим, что окружающая среда продолжает и дальше способствовать смене стратегий. Тогда мы вправе ожидать, что люди сформируют традицию периодически обращаться к одной культуре, потом к другой, развивая одновременно осознание *собственной* систематической бикультурности. Такого рода традиция создала бы возможность для необыкновенно стремительных перемен. Мы можем развить эту идею, слегка ее модифицировав. Поскольку лишь один тип культуры ассоциируется с идеологией и «правильностью», постольку люди могут отлично осознавать, что у

них имеются две возможные альтернативы, но при этом лишь одну из них считать «культурой». Другая альтернатива, как говорил Фрейлих, всего лишь «разумна» (или хитроумна). Это еще в большей степени будет способствовать готовности к быстрой смене стратегий. Смена того, что сами люди называют двумя разными культурами, означает, что многое люди оставляют позади; это делает менее тревожным движение «туда-сюда» между тем, что люди называют «собственной культурой», и тем, что считают просто временно приемлемым, «разумным» способом существования. Возможно, взаимодополняемость культур мешает индивидам или группам испытывать предубеждения по отношению к одной из двух культур и прочно прилепиться только к одной из них (как это случилось с монгольскими лидерами, слишком подверженными китайскому влиянию).

И наконец, готовность к переменам может оказаться преимуществом с точки зрения естественного отбора и перспектив выживания, коль скоро оба образа жизни оказываются каждый в свое время вполне функциональными. Хотя и ограниченные в своем выборе, но способные быстро переключаться с одного образа жизни на другой, люди могут быстро реагировать на возникающие угрозы или, напротив, преимущества, а следовательно, по отношению к ним может быть использован термин «пластичность».

Адаптивная пластичность, решения и механизмы их принятия

Хотя мы вполне обоснованно можем назвать культуры монголов и палияр «адаптивно пластичными» ввиду их мобильности и бикультурализма, анализ существа дела пока остается предварительным и абстрактным. К счастью, мы можем расширить и углубить исследование, рассмотрев основные механизмы принятия решений в ситуациях смены культурных контекстов. В случае с палияр мы можем пойти даже еще дальше, анализируя конкретные примеры смены стратегий, которые помогут нам кое-что узнать о принятии решений.

Принятие решений у палияр крайне не атомизировано; в основе их идеологии лежит индивидуальная автономия, при которой атомизация становится делом принципа. Супруги, члены небольших целевых групп (несколько человек объединяются для охоты или ловят змею, заползшую в поселение) или даже всего бэнда или поселения, когда это необходимо, ищут консенсуса и, как правило, в известной мере достигают его. Сам по себе консенсус не ценится высоко, это инструмент, который используется только изредка. Большую часть времени совместная деятельность осуществляется как бы параллельно каждым из тех, кто пожелает в ней участвовать, и при этом не прослеживается явных попыток объединить и унифицировать ни само действие, ни его конечный результат. То, что их соседи пытаются сделать единообразно деятельности самоцелью, забавляет палияр. Когда необходимо, можно обратиться за помощью в достижении консенсуса к духам или божествам (при посредничестве шамана), но в ряде случаев общее решение вырабатывается в процессе кратких и неформальных, неорганизованных переговоров, приводящих в конце концов к согласию, более или менее единодушному и сопровождаемому не одинаковой силы энтузиазмом.

Идеология палияр несовместима с формированием специалистов и авторитетов. Ведь остальные оказались бы по отношению к ним в зависимом положении, а это для всех было бы нежелательной ситуацией. Разумеется, умственные способности и опыт у всех разные, но признавать это публично нельзя. Соответственно, одаренные и умелые приуменьшают те свои способности, которые отличают их от остальных. Так поступают физически сильные, умелые и результативные, красивые представители мужского или женского пола, умеющие примерять людей, те, кто имеет особую связь с тем или иным божеством, старейшие по возрасту и т. п. Индивиды, выделяющиеся подобными свойствами или качествами, не обладают никаким особым престижем. Даже, обращаясь к

божествам, взывая к ним как к источникам знаний, помощникам и защитникам, палияр могут без обиняков заявить, что уже достаточно получено указаний или что те благодеяния, которые предлагаются в ответ на их просьбы, непригодны для дела, не нужны. В каждой группе можно время от времени наблюдать, как люди высмеивают или дразнят своих божеств, и в этом можно видеть символический отказ признавать зависимость от них [Gardner 1966a, 397; 1972, 435].

Убеждения палияр несовместимы также с какими бы то ни было обязательствами и договоренностями на будущее. Конечно, индивид может планировать или предполагать собственные действия, но давать обещания не может. Люди сочтут аморальным того, кто свяжет себя договоренностью о будущих действиях, не зная всех тех обстоятельств, которые необходимо будет брать во внимание, чтобы принимать правильные решения. В целом считается, что человек может отвечать только за самого себя и только на текущий момент.

Перед тем как приступить к рассмотрению принятия решений, мы должны осветить и проиллюстрировать здесь еще одну основополагающую идею, затрагивающую вопросы соперничества между людьми и влияния одних на других. Никто не имеет власти над другими, но исключено ли, что «втихую» решения регулярно принимаются в интересах некоей небольшой группы? Всматриваясь в специфические детали, можно с ясностью увидеть, что ничто иное, нежели эгалитаризм, ни в коей мере не проявляется. Например, при перемене семьей места стоянки с равной вероятностью может быть принято решение переместиться туда, где есть родственники у мужа, или туда, где есть родственники у жены. Сведение в одну таблицу [Gardner 1969, 165—167] собранных в пяти бэндах палияр данных о типах родственных связей, объединяющих людей в домохозяйства — сиблинг-сиблинг, породитель-порожденный (с учетом половой принадлежности), — показывает почти одинаковый процент связей мужчин

(53%) и связей женщин (47%).² Мы обнаружим тот же паттерн, если обратимся к фактору возраста. Порой молодые присоединяются к старикам, но часто происходит и обратное. Когда палияр говорят о том, что людей надо уважать, это не сокращенная формула, которая во многих других обществах расшифровывается так: «надо уважать мужчин» или «надо уважать старших мужчин». В подтверждение этому имеется множество фактов. Сами коммуникативные нормы палияр таковы, что влияние того или иного человека невозможно оценивать привычными для нас способами. Некоторые индивиды, когда им выпадает случай проявить себя, становятся тише воды ниже травы; участвуя в совместной деятельности, они не будут «выставляться». Обычно это те люди, чья жизнь служит примером для других, и именно им стремятся подражать. К 40 годам палияр становятся просто потрясающе неразговорчивыми. Девятнадцать месяцев полевой работы научили меня, что «разговорчивый, коммуникативный человек считается ненормальным и его поведение порой даже расценивается как оскорбительное для общества» [Gardner 1966a, 398]. Вот ведь злая ирония судьбы для того, кто стремится активно продвигать свои взгляды!

Палияр избегают рассказывать о конфликтах, и если вы не оказались свидетелем, просто невозможно получить детальные данные о случившемся конфликте. Когда подрядчик, нанимавший палияр для сбора меда, застрелил троих из них за несговорчивость, два бэнда, родственных погибшим, немедленно исчезли — по-видимому, организовано скрылись. Автору удалось

² Автор, по-видимому, говорит о родственных отношениях, на которых живут расширенные, или составные, семьи (они же — домохозяйства). Это могут быть расширенные семьи, состоящие из нуклеарных семей двух или более взрослых братьев, братьев и сестер, семей родителей и одного или более их взрослых детей (сыновей или дочерей) и т. п. Его таблица, очевидно, показывает, что ни родственникам мужчин, ни родственникам женщин не отдается явного предпочтения при создании расширенных семей (Примечание О. Ю. Артемовой).

ненадолго войти в контакт с людьми одного из этих двух бэндов (h3 в Таблице 1) и провести небольшое исследование, когда они стали осторожно, буквально по дюйму, продвигаться назад к пограничным контактам — после пяти лет, проведенных в бегах. Во время наших встреч люди были готовы помочь и откровенны в том, что не касалось трагического случая. Примечательно, что из-за их крайней скрытности, во всем связанном с этим роковым столкновением, даже от родственников преступника — подрядчика сборщиков меда — удалось узнать больше деталей происшествия, нежели от самих палияр. Так что все решения, принимавшиеся у палияр тогда, остались покрытыми мраком неизвестности. Но вот два эпизода, которые удалось документировать подробнее, чем обычно.

Эпизод 1. Люди одного пограничного бэнда (c1 в Таблице 1) молниеносно, в течение 20 минут с момента получения информации о якобы грозящей им опасности, упаковали свои пожитки и покинули стоянку, оставив ее в тишине опустошения. Это было спровоцировано тем, что пребывавший среди них пришелец, этнограф, всего лишь во второй раз ненадолго посетивший их, появился в одежде цвета хаки. Палияр принял его одежду за полицейскую униформу. (Потом уже стало известно, что несколько недель назад произошел инцидент с жестоким поведением полиции в местечке по соседству.) Никаких очевидных «сигналов тревоги», собраный и даже просто обсуждений не было. Восемь человек (или около того), видевших угрожающее «явление» своими глазами, бросив оценивающий взгляд, бесшумно скрылись в своих хижинах, затем они, их семьи и их соседи в считанные минуты сложили свой скарб и ускользнули, каждый своей тропкой, с тем, чтобы не возвращаться в течение следующих трех месяцев. Те, кто не видел «угрожающего явления», могли получить известие «об опасности» от «свидетелей», скажем, в ответ на недомысленные взгляды на тех, кто собирает вещи. Но могло обойтись и без этого. То, что несколько человек одновременно и внезапно уходят, — само по себе

достаточный сигнал для общей тревоги; ведь перед этим не было слышно никаких ссор или перебранок, которые свидетельствовали бы о том, что кто-то уходит по своим частным причинам. Палияр, живущие в пограничном поселении, многое готовы расценить как угрозу, но им нет никакой надобности устраивать собрание, чтобы достичь консенсуса, прежде чем покинуть это поселение. Уходить или нет — каждая семья и каждый отдельный человек решают совершенно самостоятельно.

Эпизод 2. Сообщество палияр (h2 в Таблице 1), до этого минимум сто лет жившее за окраиной леса, было выселено в связи с обширной правительственной строительной программой. В общий план этой программы входило наделение каждой семьи палияр отдельным бесплатным жилищем. Все они располагались вдоль одной улицы, предназначенной для палияр и протянувшейся неподалеку от вновь построенного для индийской общины поселка со школой и другими нужными службами. Примечательно, что за девять лет до выселения эта же самая группа палияр ходатайствовала об учреждении для нее собственной школы, что вообще-то нетипично для палияр. Приехав в те места по прошествии 15 лет после обращения палияр к администрации с просьбой о школе и шести лет после их выселения из привычных мест, автор обнаружил, что только лишь треть того прежнего сообщества согласилась испробовать этой новой жизни (h3-1 в Таблице 1). Остальные, утратив свои прежние жилища, рассеялись по окрестностям. Всякий раз, принимая отдельное самостоятельное решение, некоторые из них примыкали к изолированной независимой группе, кочевавшей неподалеку, некоторые организовали свой собственный бэнд (h3-2 в Таблице 1), а одна семья устроилась работать в пограничной зоне, выбрав более тихое поселение. Все те, что поселились в домах, построенных властями, говорили о множественных причинах для неудовлетворенности. Односельчане (не палияр) шумны, склонны к обману, всех осуждают, к тому же интересуются очень личными делами окружающих, которые их не

должны касаться. В школе дети палияр представляют меньшинство и их постоянно притесняют, а в дополнение всех бед и лес еще далеко — если раньше до него было пять минут ходу, то теперь все сорок. Было замечено, что слой их наносной ортопраксии стал толще. Например, женщинам теперь во время пиров приходится есть после мужчин, и даже призывы чтить традиции палияр не побуждают их поступать иначе. Даже в прошлом наиболее рьяные сторонники обучения детей в школе готовы уже отказаться от преимуществ, которые оно сулит.

В то время как все проанализированные случаи, когда палияр целыми группами принимали решение уйти из пограничья, были функциональной реакцией на социополитические притеснения извне, большую часть решений о перемещении обратно в пограничье следует отнести на счет комплексов тех благоприятных факторов техно-экономического свойства, которые имеются в пограничье, — при условии, разумеется, что обстановка там представляется спокойной. Порой первые перемещения совершают отдельные мужчины, отличающиеся наибольшей готовностью к наемному труду. За ними следуют их сиблинги, родители, а потом и другие. Иногда случается так, что постепенно перемещается вся группа. Или один небольшой бэнд в порядке эксперимента может присоединиться к сообществу, родственному или нет, уже какое-то время проживающему и более или менее надежно обосновавшемуся в пограничной зоне. За исключением информации о последовательности перемещений и о локализации людей до и после перемещений, данные о конкретных обстоятельствах, сопутствовавших решениям о перемещениях из леса в пограничье, как правило, не подлежат восстановлению, даже с помощью тех, кто хочет обсуждать такие события. Нужно помнить, что многие люди живут в пограничных поселениях, не будучи вовлечены в обмен с тамилами и не имея работы по найму. Они живут в условиях взаимодействия с пограничной культурой, но могут обеспечивать себя за счет ресурсов леса. Так было

с некоторыми молодыми женатыми людьми и некоторыми палияр старшего возраста, принадлежавшими к сообществам u_3 и h_2 — сообществам, о которых за все время полевой работы накопилось больше всего информации. В одних домохозяйствах разделение труда — собирательство и наемная работа — проводится между супругами в соответствии с их интересами, в других же та и другая работа выполняется обоими, но чередуется по сезонам. Интересно в связи с этим, что группа h_2 располагалась в 20 минутах ходьбы от места, богатого диким ямсом (*Dioscoreayams*), что позволило нескольким семьям долгое время жить оседло и заниматься собирательством.

Адаптация как таковая — это нечто большее, чем выбор паттернов поселений или способов жизнеобеспечения. Поскольку вести себя так, чтобы никого не обижать и не ущемлять, — это в глазах палияр верное средство предотвращать социальные трения, постольку все решения, связанные с их ортопраксией, требуют непременно анализа. В пограничье, контактируя с соседями, палияр ведут себя очень скромно и тихо, но хотя они и настроены на постоянный самоконтроль, это нечто совсем иное, чем готовность терпеть унижения. С насмешками или притеснениями со стороны доминирующего большинства — работодателей, других работников и прочих — палияр сталкиваются регулярно и расценивают все это как прямые нападки. (Несмотря на то, что внутри одних и тех же индийских *джати* — каст — наблюдается относительное разнообразие ценностей и поведенческих стереотипов, все же те различия, которые характерны для поведения и идеологических принципов представителей разных *джати*, являясь собой в значительной мере основой для иерархического ранжирования всех *джати* в целом, и нам следует учитывать возможность того, что пограничные тамильские знакомые сами-то не считают свои действия и слова нападками на палияр, а думают, что благожелательно помогают этим людям, чересчур наивным и не приспособленным к жизни в чуждой среде.)

Эпизод 3. Этот эпизод как раз следует рассмотреть в контексте сказанного в предыдущем абзаце. Он касается уже упоминавшейся выше директивы не употреблять в пищу говядину и не притрагиваться к воловьим шкурам — директивы, которая была «получена» в начале 1950-х гг. паляяр, вошедшими в состояние транса, и якобы исходила она от одного из божеств. Та светлая голова, которая создала этот запрет, несомненно, верно понимала преимущество употребления «чистой» пищи при взаимодействии с индустрами. Десятью годами позже полевая работа среди паляяр продемонстрировала, что этот запрет строго соблюдается. Кроме того, в двух других бэндах, удаленных территориально от первого, автору довелось оказаться очевидцем того, как паляяр отказались от предложения охотников с равнины взять у них мясо бизона (*Bosgaurus*), которое паляяр считают разновидностью говядины. Соблюдали эти две последние группы паляяр запрет на употребление говядины, следуя все той же «исторической» директиве божества, или у них параллельно и независимо появилось аналогичное табу, сказать трудно, можно лишь констатировать факт еще одного проявления подобной мудрости.

Тех, кто не имеет всестороннего знакомства с южноиндийскими верованиями, касающимися ритуальной «чистоты» и «нечистоты», эпизод № 3 может ввести в заблуждение. Внесение тех изменений в правила, регулирующие употребление разных видов мяса, о которых говорилось выше, — это лишь слабая инкрементальная модификация для паляяр, включенных (если только они вообще включены) в индуистскую систему *джати* в качестве так называемых париев³. При этом в особых ритуальных контекстах паляяр имеют, по индуистским понятиям, парадоксально высокий уровень ритуальной чистоты, что можно объяснить их образом жизни, по многим параметрам сходным с образом жизни лесного аскета-индуста [Gardner 1982]. Но не следует думать, что это повышает социальный

³ Низких каст, сборщиков падали и мусора (Примечание А. В. Иванова).

ранг паляяр в остальных их взаимодействиях с индустрами, помимо ритуальных.

Эпизод 4. Эпизод № 3 демонстрирует исполнение предписания божества, но так бывает не всегда. Поучительное событие, произошедшее а бэнде h2, демонстрирует противоположный вариант. Во время отсутствия автора один из паляяр, с которым автору привелось непродолжительное время работать, убедил людей своей общины избрать для нее формальное правительство. Так как кроме него грамотных в поселении не было, он сам написал тайные избирательные листы, провел голосование и подсчитал результаты; люди, с которыми он дружил, оказались избранными на четыре официальные должности. Когда на следующий день автор вернулся в это поселение, выяснилось, что многими там «овладели» божества. Хотя семеро впали в транс одновременно и в одном и том же месте, только немногие «погрузилось» столь глубоко, что могли идентифицировать божеств и спросить их о том, как они относятся к вновь избранному правительству. Из этих загадочных событий в конечном итоге вывели подтверждение легитимности избранного правительства. Однако через пару недель от нового порядка не осталось и следа. И о нем никогда не упоминали. С точки зрения паляяр, божества являются авторитетными носителями знания, но решения принимают паляяр.

Именно сравнивая механизмы принятия решений у монголов и паляяр, мы обнаруживаем наиболее поразительные различия между первыми и вторыми. В своих собственных глазах монголы «свободны», и в этом они противопоставляют себя тем, кем «управляют» [Lattimore 1934, 65]. Они имеют в виду особые виды независимости и зависимости, ведь у них есть племенные лидеры, знать, и время от времени появляются лидеры с чрезвычайно мощной властью [Lattimore 1962, 65]. Интересующие нас перемены в образе жизни монголов случаются, как утверждает О. Латтимор, в периоды экологического прессинга, в периоды, когда система либо разрастается, либо разрушается.

Но он справедливо настаивает на том, что именно вовлеченность лидеров была ключевой составляющей процессов бикультурной осцилляции в целом. Действительно, если бы монголы не имели знающих и эффективно действующих лидеров, они не могли бы устанавливать и поддерживать контроль над пограничными государствами с этнически смешанным сельскохозяйственным населением. Чтобы управлять, они должны были контролировать свой собственный народ наряду с чужими системами, и для эффективного осуществления этой первой задачи им нужны были новые методы перманентного администрирования [Lattimore 1951, 542—546]. У нас нет сведений о том, какие решения принимались на начальных этапах формирования новой системы управления, хотя вне сомнений, что именно лидеры играли при этом ведущую роль. Конкретно же именно «люди на границе», имевшие различные экономические альтернативы, обладали возможностями для установления правил широкого охвата [Lattimore 1951, 543]. Во времена крушений аграрных государств, контролируемых монголами, процессы принятия решений были диффузными, плохо поддающимися описанию. С одной стороны, определенные кумулятивные решения принимались в верхах в первую очередь в собственных интересах и вели к непредвиденным и не подразумевавшимся следствиям — изоляции правителя и знати от всех остальных монголов. С другой стороны, появлялись и новые лидеры, имевшие подчиненный статус, но желавшие обеспечить для своих соплеменников, которыми, с их точки зрения, управляли неправильно, альтернативный уклад жизни — более традиционный и более безопасный. Это достигалось путем «откола» части людей от централизованной системы. И наконец, рядовые члены сообщества принимали сходные решения, покидая своих неэффективных и безответственных вождей и таким образом избегая участия в приграничных войнах [Lattimore 1938, 15; 1951, 72, 521—522, 525].

Перемещения монголов в пограничье и обратно имеют в своей основе более обширный комплекс факторов,

чем перемещения палияр. К тому же перемещения моноголов происходили медленнее [Lattimore 1951, 543, 546]. При том что движение от пограничья обычно оказывалось хотя бы отчасти связанным с внешнеполитическими событиями, как и в случае с палияр, перемещения моноголов в степь бывали и прямым ответом на внутреннюю дисгармонию во власти, когда лидеры, характеризовавшиеся некогда функциональной бикультурностью, делались слишком приверженными китайским культурным стандартам — вплоть до полного отказа от монгольских, и это превращалось в большую проблему при взаимодействии со своим народом. Процесс перемещения в пограничье у монголов, как и у палияр, может быть понят как реакция на нарастающие экономические потребности, которые можно удовлетворять в благоприятствующей обстановке пограничья. Правильнее, однако, смотреть на все это, как на производное сложного сочетания политической и экономической экспансии. Такой подход учитывает, помимо всего прочего, наличие лидеров, обладающих знаниями, желаниями и притязаниями.

Наиболее существенные, даже существенные, различия между монгольской моделью и моделью палияр, связаны с тем, что в одном случае решения принимаются централизованно, а в другом — индивидуализированно. Обидно, что не удается извлечь из наших источников больше подробностей об обстоятельствах принятия решений. В то время как сделанный выше обзор позволяет нам рассмотреть в достаточном приближении сами по себе смены стратегий и значительно прояснить природу монгольских осцилляций и осцилляций палияр, мы располагаем слишком скудной информацией о конкретных решениях, чтобы определить их место в процессах адаптации.

Одно решение, которое явно несет информацию об адаптации, связано с ортопраксией палияр. Директива не употреблять говядину сфокусировала их внимание на одной из множества возможных перемен. Единодушные, с которым палияр приняли этот запрет, позволяет заключить, что они действи-

тельно согласны с его мудростью. Само их единодушие сыграло положительную роль, о чем они, возможно, даже не знали и чего не могли оценить. Ведь однажды «запущенный» процесс самовозвышения в индуистском обществе, т. е. переход к более ритуально «чистым» практикам, с неизбежностью должен охватить весь круг взаимодействий, в котором поддерживается воспроизводство людей, подобно тому как и некоторые формы «загрязнения» (вроде той, что была у палияр до того, как они отказались от говядины) передаются по линиям родства. То, что поведение палияр, живущих в других местах, относительно скрыто от нас, а рассмотренные нами новшества носят локальный характер, не умаляет потенциально благоприятный эффект согласованного единообразного следования мудрому решению.

Типологические черты систем, отступление «в тыл», изменчивость и статус нашего исследования

Типологические черты систем были определены при помощи двух примеров. Оба исследованных народа на протяжении долгого времени имели два альтернативных образа жизни. Пока используется один, другой, резервный, «держат про запас» на случай изменения условий в будущем [Boehm 1978; Salzman 1978]. Отдельные индивиды у палияр и политические группы монголов обладают достаточной информацией, отправляясь в пограничные зоны, и каждый индивид в обеих системах имеет всю нужную информацию для возвращения к относительно независимому кочевому образу жизни.

Принятие решений, относящихся к смене жизненных стратегий, есть составная часть обеих осциллирующих систем. Но различия в принятии решений демонстрируют, что у такой системы имеется не один способ поддержания осцилляции. Это, не представляя собой проблемы, вынуждает нас задуматься над тем, что стоит за любопытными параллелями, и предположительно выделить черты, общие для систем обоих типов.

Монголы и палияр, несомненно, переживали и иные перемены, отличные от осцилляций, на которых мы заострили внимание. Ранее в своих работах Латтимор [Lattimore 1938, 11] указывал, что его гипотетический монгольский цикл правильнее было бы представить в линейном измерении как движение «по спирали». У палияр усовершенствование ортопраксии — это частный случай подобных дополнительных линейных изменений. Можно указать и на другие случаи. Осцилляция всегда остается выдающимся явлением. Независимо от других видов перемен, ее можно обоснованно и продуктивно выделить для того, чтобы изучить изолированно. Предварительное заключение о бикультурализме в пограничье может быть сформулировано следующим образом.

Если мобильный народ, предрасположенный к бикультурализму в условиях пограничья, воспринимает две встречающиеся там культуры как взаимодополняющие (придавая своей культуре статус должного, а другой — всего лишь разумного или хитроумного, несмотря на то что в действительности обе культуры относительно полноценны, «совершенны», и при этом каждая культура видится как способная избавиться от проблем, периодически возникающих в рамках другой), то он, этот народ, будет проявлять склонность к бикультурным осцилляциям.

Вопросы развития остались незатронутыми этой формулировкой и три важных условия лишь имплицитно подразумеваются ею: (1) имеется только одна главная соседствующая социальная система, с которой приходится взаимодействовать; (2) привычные способы экологической адаптации позволяют жить и в пограничной зоне, и вдали от нее и (3) обе системы имеют свои дискретные территории, что делает жизнь в пограничье дополнительной опцией, а не необходимостью. Даже со всеми этими пропусками вышеприведенная формулировка настолько детализирована, что формальный ее тест может быть неинформативным. Она скорее носит характер объяснения, нежели теории.

Она могла бы тем не менее быть разобрана на составляющие для того, чтобы именно их тестировать как теории. Одна из существенных составляющих идей связана с приданием особого значения возможности отступления в номадическую изоляцию, в зону, удаленную от пограничья, в своего рода тыл. Теория об этом может быть сформулирована так: «Номадические народы, вовлеченные во взаимодействие с культурным пограничьем, но имеющие возможности уйти от него, будут иметь тенденцию к осцилляции между собственной культурой и культурой пограничья». Это существенно расширяет сферу изучения: большое число пастушеских и собирательских народов становятся потенциальными «участниками выборки», даже при том что теоретическое положение о «вовлеченности» в зону пограничья обязательно тянет за собой положение о компетентности относительно соседней культуры.

Есть ключевое различие между теми зависимыми ассимилируемыми «дойщиками и ловцами»⁴, о которых обобщенно писали Мерфи и Стюарт [Murphy and Steward 1956, 335—355], с одной стороны, и периодически «отходящими» (возвращающимися к прежнему образу жизни) народами, изучение которых и привело к предлагаемой здесь теории — с другой. Последние

⁴ Tappers and trappers — “When the people of an unstratified native society barter wild products found in extensive distribution and obtained through individual effort, the structure of the native culture will be destroyed, and the final culmination will be a culture type characterized by individual families having delimited rights to marketable resources and linked to the larger nation through trading centres” (Когда коренной народ или отдельные представители народа, исконная социальная система которого не стратифицирована, вступают в обмен с другими группами, используя ресурсы, находящиеся в экстенсивном распределении и добываемые путем индивидуальных усилий, его исконная культура разрушается. Итогом становится тип культуры, в котором доступ отдельных семей к подлежащим обмену ресурсам неограничен, и эти семьи обладают эксклюзивными правами на такие ресурсы и связаны с более крупными нациями через центры торговли [Murphy and Steward 1956, 355] (Примечание с цитатой добавлено А. В. Ивановым).

испытывают глубокое отвращение к любым формам зависимости и имеют мощные санкции против них. Они могли позволить себе уходить от притеснений и порабощения, так как на протяжении веков у них неизменно сохранялись свои тыловые зоны. Вплоть до настоящего времени (у монголов — до недавнего времени), целостность или жизнеспособность их собственной кочевой культуры не позволяет поставить их в один ряд с теми «первобытными профессионалами», которых Фокс описал в своей солидной статье, посвященной межкультурному экономическому обмену [Fox 1969]. Фокс утверждал, что в Южной Азии пять групп так называемых охотников и собирателей являлись специализированными «профессионалами», эксплуатировавшими лесные ресурсы в интересах внешнего рынка. В целом это вполне приемлемо. Но важно отметить его следующий до сих пор этнографически не подтвержденный тезис: они *не способны* обеспечить свое существование, полагаясь исключительно на ресурсы леса. Аргументы Фокса содержательны, вески и верны, но для ряда других народов, а не для тех, о ком мы пишем.

Чтобы схематично изобразить наши предварительные положения относительно осциллирующих систем, мы можем использовать абстрактный образ некоего субъекта, имеющего два возможных места для обитания и внутреннее устройство, которое позволяет этому субъекту принимать две различные внешние формы, одна из которых подходит для одного из этих двух мест обитания, а другая — для второго. Смены форм быстры, легко обратимы и так взаимодействуют с рисками и благоприятствующими обстоятельствами, что буквально приглашают нас охарактеризовать этого воображаемого субъекта как существо высоко адаптивное.

Процессы перемен, которые мы сейчас описываем, сродни процессам акклиматизации. Перед нами, однако, отнюдь не какое-то странное создание, «культура-пингвин», причем «пингвин-трансформер», чьи крылья на протяжении эволюции то и дело превращаются в плавники, затем плавники обратно превращаются в крылья и т. д. Перемены в таком сравнении

выглядят поверхностными. А ведь они равноценны полному преобразению нашего двуликого субъекта. Предлагаю называть их «изменчивыми» переменами⁵. «Изменчивый» — более подходящее и точное слово, чем «пластичный». Термин «изменчивость» употребляют цитированные выше экологи, исследовательские задачи которых требуют от них использования наиболее генерализованного концептуального аппарата. Применительно к человеческим культурам теория «изменчивости» могла бы быть сформулирована так: «Если люди способны использовать две культуры, которые имеют категориально отличающиеся ценности, к примеру, одна из них позволяет «нравственное» поведение, они будут склонны проявлять «осциллирующий бикультурализм»». Здесь многое заключено в слове «способны», и мы употребили его умышленно, ведь в дальнейшем нам ничто не мешает концентрировать внимание на окружающей среде, а не на пограничных зонах, по мере того как мы будем увеличивать нашу выборку.

Эти теории затрагивают лишь часть переменных, которые могут участвовать в формировании и поддержании бикультурно осциллирующих систем. И такая избирательность намеренна. Она поможет расширить поле будущих исследований, снизив риск того, что малые размеры выборок затруднят надежную проверку теорий. Однако серьезные сложности при подборе данных все же возможны. Сокрушительная атака, которой Ньюджент подверг Лича, напоминает нам о том, что даже данные о лучше всего изученных осциллирующих системах слабо подкреплены документальными свидетельствами, отражающими то, что происходило в прошлом, на протяжении длительных временных отрезков [Nugent 1982, 508—527].

Ближайшая наша цель заключалась в поиске объяснений. Описанные осциллирующие системы хоть и необыч-

⁵ В оригинале слова «перемены» и «изменчивость» не являются однокоренными: “changes” и “versatility”, переводчики не сочли возможным искать русские аналоги с разными корнями и предпочли в интересах точности перевода смириться с некрасивой тавтологией (Примечание О. Ю. Артемовой).

ны, но понятны, если учитывать контекст, в котором они функционируют. В самом деле, если окружающая среда в целом позволяет то, что позволяет, и требует то, что требует, перманентную изменчивость можно понять и оценить как способ адаптации. Нам известны живые организмы, которым выживать при сосуществовании с хищниками помогает именно изменчивость, а не клыки, не панцирь, не упреждающее нападение или прочие проверенные временем способы защиты. Мы не погрешим против истины, если назовем изменчивость мощнейшим средством выживания.

Сохранение способности изменяться, и изменяться стремительно, обеспечивается при помощи заслуживающих особого внимания, потенциально надежных средств, а базовые ценностные ориентации «используются» (системой) — в силу их прочности и притягательности — в качестве приманки. И это само по себе заслуживает дальнейшего изучения.

Благодарности

Исследование, на котором основана часть этой статьи, проводилось в период 1962—1964 г. при финансовой поддержке Фонда Форда и в 1978 г. — благодаря гранту Американского института индийских исследований (American Institute of Indian Studies) и Исследовательского совета Университета Миссури-Колумбия. В краткой и предварительной форме некоторые из этих идей были представлены на 81-м Ежегодном собрании Американской антропологической ассоциации, а затем опубликованы [Gardner, 1983]. Развитие наших идей стало возможным в 1983 г. благодаря гранту Исследовательского совета докторантуры Университета Миссури. Ответственность за утверждения, высказанные в этой статье, полностью лежит на авторе.

Перевод с английского О. Ю. Артемовой и Ю. А. Артемовой с использованием фрагментов сделанного ранее перевода А. В. Иванова и С. В. Глухой.

Статья впервые была опубликована в журнале: Human Ecology. 1985. Вып. 13. С. 411—432.

BICULTURAL OSCILLATION AS A LONG-TERM ADAPTATION TO CULTURAL FRONTIERS: CASES AND QUESTIONS

GARDNER PETER

(University of Missouri: 1205 University Ave., Suite 1001, Columbia, MO 65201 USA)

Summary. Comparison of two nomadic peoples, one pastoral, the other food-collecting, reveals that rapid bicultural oscillation of both is an adaptation to their multizoned environments. One may speak of their being flexible in the face of temporally variable environmental hazards and opportunities. For each people, the more nomadic of their two cultures is associated with norms of propriety, the more sedentary one entails what Freilich calls "smart norms". It is argued that this complementation gives both cultures continuing appeal, thereby facilitating rapid change. A major difference between decision making mechanisms in the two cases underscores that we treat a system type in a very abstract sense. Other, possibly similar cases are noted from ethnographic literature. A formal theory is put forward concerning the tendency of people under certain conditions to develop oscillating biculturalism. Such rapidly oscillating systems are proposed to have a biological analogue in versatile acclimatizers.

The study, on which based part of this article, was conducted between the years 1962–1964 with financial support from the Ford Foundation, and in 1978 — by a grant from the American Institute of Indian Studies (American Institute of Indian Studies) and the Research Council of the University of Missouri–Columbia. In brief and preliminary form some of these ideas were presented at the 81st Annual Meeting of the American Anthropological Association, and then released [Gardner, 1983]. The development of our ideas was made possible in 1983 through a grant from the Research Council doctoral University of Missouri.

Key words: adaptation, cyclical change, cultural boundary, versatility, nomadism.

Literature

Alland 1975 — **Alland A.** Adaptation. *Annual Review of Anthropology*. 1975. 4. Pp. 59–74.

Ashby 1956 — **Ashby W. R.** An Introduction to Cybernetics. London, 1956.

Barth 1969 — **Barth F.** Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries*. Barth F. (ed.). Boston, 1969. Pp. 9–38.

Bateson 1935 — **Bateson G.** Culture contact and schismogenesis. *Man*. 1935. 35. Pp. 178–183.

Bateson 1963 — **Bateson G.** The role of somatic change in evolution. *Evolution*. 1963. 17. Pp. 529–539.

Boehm 1978 — **Boehm C.** Rational preselection from Hamadryas to Homo sapiens: The place of decisions in adaptive process. *American Anthropologist*. 1978. 80. Pp. 265–296.

Damas 1969 — **Damas D.** (ed.). Contributions of Anthropology: Band Societies. Ottawa, 1969.

Dunning 1959 — **Dunning R. W.** Social and Economic Change among the Northern Ojibwa. Toronto, 1959.

Ehrenreich — **Ehrenreich J.** Isolation, retreat and secrecy: Dissembling behavior among the Coaiquer Indians of Ecuador. *Political Process among Indigenous Peoples of Ecuador: Anthropol-*

logical Perspectives. Ehrenreich J. (ed.). Washington, D. C. In press.

Fox 1969 — **Fox R. G.** Professional primitives: Hunters and gatherers of nuclear South Asia. *Man in India*. 1969. 49 (2). Pp. 139–160.

Freilich 1975 — **Freilich M.** Myth, method, and madness. *Current Anthropology*. 1975. 16(2). Pp. 207–226.

Gardner 1966a — **Gardner P. M.** Symmetric respect and memorate knowledge: The structure and ecology of individualistic culture. *Southwestern Journal of Anthropology*. 1966. 22. Pp. 389–415.

Gardner 1966b — **Gardner P. M.** Orthopraxy and the double kinship systems of refuge food-collectors. Presented at the 65th Annual Meeting, American Anthropological Association. 1966.

Gardner 1969 — **Gardner P. M.** Paliyan social structure. *Contributions to Anthropology: Band Societies*. Damas D. (ed.). Ottawa, 1969. Pp. 153–167.

Gardner 1972 — **Gardner P. M.** The Paliyans. *Hunters and Gatherers Today*. Bicchieri M. G. (ed.). New York, 1972. Pp. 404–447.

Gardner 1978 — **Gardner P. M.** India's changing tribes: Identity and interaction in crises. . *Main Currents in Indian Sociology: Vol. 3, Cohesion and Conflict in Modern India*. Gupta G. R. (ed.). Vikas, Delhi, 1978. Pp. 289–318.

- Gardner 1982 — **Gardner P. M.** Ascribed austerity: A tribal path to purity. *Man*. 1982. 17. Pp. 462—469.
- Gardner 1983 — **Gardner P. M.** Cyclical adaptations on variable cultural frontiers. *Nomadic Peoples*. 1983. 12. Pp. 14—19.
- Goodenough 1976 — **Goodenough W. H.** Multiculturalism as the normal human experience. *Anthropology and Education Quarterly*. 1976. 7 (4). Pp. 4—7.
- Hardesty 1977 — **Hardesty D. L.** Ecological Anthropology. New York, 1977.
- Holling 1973 — **Holling C. S.** Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematic*. 1973. 4. Pp. 1—23.
- Holling, Goldberg 1971 — **Holling C. S., Goldberg M. A.** Ecology and planning. *Journal of American Institute of Planners*. 1971. 37. Pp. 221—230.
- Kroeber 1948 — **Kroeber A. L.** Anthropology (Revised edition). New York, 1948.
- Lattimore 1934 — **Lattimore O.** The Mongols of Manchuria. New York, 1934.
- Lattimore 1937 — **Lattimore O.** Origins of the Great Wall of China: A frontier concept in theory and practice. *The Geographical Review*. 1937. 27 (4). Pp. 97—118.
- Lattimore 1938 — **Lattimore O.** The geographical factor in Mongol history. *The Geographical Journal*. 1938. 91. Pp. 1—20.
- Lattimore 1940 — **Lattimore O.** Inner Asian Frontiers of China. New York, 1940.
- Lattimore 1951 — **Lattimore O.** Inner Asian Frontiers of China. New York, 1951.
- Lattimore 1962a — **Lattimore O.** The frontier in history. *Studies in Frontier History: Collected Papers 1928—1958*. Lattimore O. (ed.). London, 1962. Pp. 514—541.
- Lattimore 1962b — **Lattimore O.** The frontier in history. *Studies in Frontier History: Collected Papers 1928—1958*. Lattimore O. London, 1962. Pp. 469—491.
- Lattimore 1962c — **Lattimore O.** (ed.). *Studies in Frontier History: Collected Papers 1928—1958*. London, 1962.
- Leach 1954 — **Leach E. R.** Political Systems of Highland Burma. Cambridge, 1954.
- Leacock 1954 — **Leacock E.** *The Montagnais "Hunting Territory" and the Fur Trade*. American Anthropological Association, Memoir 78. 1954.
- Lee, DeVore 1968 — **Lee R. B., DeVore I.** (eds.). *Man the Hunter*. Chicago, 1968.
- Lehman 1963 — **Lehman F.** The Structure of Chin Society: A Tribal People of Burma Adapted to a Non-Western Civilization. Urbana, 1963.
- Lewontin 1958 — **Lewontin R. C.** The adaptation of populations to varying environments. *Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology*. 1958. 22. Pp. 395—408.
- Murphy, Steward 1956 — **Murphy R. F., Steward J. H.** Tappers and trappers: Parallel process in acculturation. *Economic Development and Cultural Change*. 1956. 4. Pp. 335—355.
- Nugent 1982 — **Nugent D.** Closed systems and contradiction: The Kachin in or out of history. *Man*. 1982. 17. Pp. 508—527.
- Salzman 1978 — **Salzman P. C.** Ideology and change in Middle Eastern tribal societies. *Man*. 1978. 13. Pp. 618—637.
- Salzman 1978 — **Salzman P. C.** Introduction: Processes of sedentarization as adaptation and response. *When Nomads Settle*. Salzman P. C. (ed.). Praeger, New York, 1980. Pp. 1—19.
- Sinha 1957 — **Sinha S.** The media and nature of Hindu-Bhumij interactions. *Journal of the Asiatic Society. Letters and Science*. 1957. 23. Pp. 23—37.
- Sinha 1957 — **Sinha S.** Bhumij-Kshatriya social movement in South Manbhum. *Bulletin of the Department of Anthropology*. 1959. 8. Pp. 9—32.
- Sinha 1962 — **Sinha S.** State formation and Rajput myth in tribal Central India. *Man in India*. 1962. 42. Pp. 35—80.
- Sinha 1965 — **Sinha S.** Tribe-caste and tribe-peasant continua in Central India. *Man in India*. 1965. 45. 57—83.
- Turnbull 1961 — **Turnbull C. M.** The Forest People. New York, 1961.
- Turnbull 1965a — **Turnbull C. M.** *The Mbuti Pygmies: An Ethnographic Survey*. New York, 1965. (Anthropological Papers. Vol. 50. Part 3).
- Turnbull 1965b — **Turnbull C. M.** Wayward Servants: The Two Worlds of the African Pygmies. Garden City, 1965.
- Turnbull 1983 — **Turnbull C. M.** The Mbuti Pygmies: Change and Adaptation. New York, 1983.
- Vayda, McKay 1975 — **Vayda A. P., McKay B. J.** New directions in ecology and ecological anthropology. *Annual Review of Anthropology*. 1975. 4. Pp. 293—306.
- Vierich 1982 — **Vierich H. I. D.** Adaptive flexibility in a multi-ethnic setting: The Basarwa of the southern Kalahari. *Politics and History in Band Societies*. Leacock E. and Lee R. (eds.). Cambridge, 1982. Pp. 213—222.

About the author

E-mail: gardnerp@missouri.edu
 Tel.: 573 443-4937;
 1205 University Ave., Suite 1001, Columbia, MO 65201 USA;
 Professor Emeritus (Anthropology), Dept. of Anthropology University of Missouri.